

УДК 811.161

Л. Г. Панин

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: leo.panin@gmail.com

**ПИСЦЫ ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ И ИХ ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
(СТАТЬЯ 1)**

Устанавливается количество писцов, переписывавших Друцкое Евангелие XIV в., последовательность их работы применительно к тетрадам рукописи и исследуются диалектные особенности первых трех писцов.

Ключевые слова: Евангелие-апракос, писцы, диалектные особенности древнерусского языка, разночтения.

В Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН хранится уникальная пергаментная рукопись XIV в. – Друцкое Евангелие (Дрц¹), которая вот уже около двадцати лет является главным объектом моего научного интереса. Это список полного апракоса, представляющий особый интерес для историка Славянского Текста Евангелия, поскольку позволяет предполагать, что данный список сделан с полноапракосного списка первой половины XI в.

Основные направления изучения языка и состава чтений Дрц связаны, во-первых, с «внутренним» анализом списка, во-вторых, с «внешним». В первом случае анализируется рукопись как культурно-языковой феномен и определен тип Евангелия. В последнем случае первоочередной интерес представляют лингвотекстологические связи Дрц с другими списками Евангелия, в том числе отношении к греческой традиции.

«Внутренний» анализ Дрц касается изучения особенностей данной рукописи: ее палеографических, кодикологических, язы-

ковых особенностей и повторяющихся чтений, поскольку это список полноапракосного Евангелия. Данная статья является первой в цикле публикаций о диалектных особенностях писцов рукописи. Для сопоставления привлечены некоторые другие древние списки апракосов: Мстиславово Евангелие рубежа XI–XII вв. (Мст²), Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. (ОЕ), Архангельское Евангелие 1092 г. (Ар(х)³) и Саввина книга. Обращение сопоставительного анализа к древним спискам мотивировано гипотезой раннего происхождения протографа Дрц. Н. Н. Покровский датирует этот протограф 1001-м годом⁴. Ряд обстоятельств заставляет отодвинуть эту дату, по-видимому, на половину столетия, но в любом случае она остается в XI в.:

1) как уже давно отмечается исследователями, в перенесенной одним из писцов записи протографа Дрц говорится о том, что в 1001 (6509) г. в городе Друцке сооружена была церковь во имя Пресвятой Богородицы: **Аѹ ѳЕ^о <.ꙗꙗꙗ ꙗѡаѳѡаѳа| аѹ^н ѡѡѡ ꙗеу ꙗѡѡу аѡѡ аѹ| аѡааЕ аѳ аѡѡѡѡЕ. а ꙗѳ^ѡѡѡ**

¹ Традиция сокращенно обозначать краткоапракосные списки Евангелия двумя буквами, полноапракосные – тремя, а тетры – четырьмя восходит к Л. П. Жуковской [1968].

² Цит. по: [Апракос Мстислава Великого, 1983].

³ Цит. по: [Архангельское Евангелие 1092 года, 1997]. Ар(х) в своей первой части (до чтений Великого поста) является кратким апракосом и представляет Древний текст, во второй же части это полный апракос, а текст здесь Преславский. О понятиях Древний и Преславский текст см.: [Евангелие от Иоанна..., 1998].

⁴ Н. Н. Покровский [2000] обратил внимание на запись 1001 года в конце Дрц.

I	II	III	IV	V	VI	VII	VI	II	IV	VI	IV
1	2	4	5	8	9	11	13	14	14	18	21
2	3		6		10	12			15	19	22
			7						16	20	23
									17		24
											25

вицами, хотя поспешность выполнения работы, вытекающая из анализа почерков последних тетрадей, пропуск киноварных заголовков в середине 4-й тетради, достаточно многочисленные ошибки в определении Евангелистов заставляют предполагать если не срочность всего заказа, то его завершения. Были причины, заставившие писцов срочно закончить работу.

Работа писцов была распределена по тетрадам; исключение составляет только переписывание 1-й и 2-й тетрадей (т. е. начальная работа), а также 14-й тетради. Приведем информацию о том, в какой последовательности работали писцы. Римскими цифрами обозначены писцы, арабскими – тетради (17-я тетрадь состоит из двух листов, 19-я – из семи, 25-я – из трех) (см. таблицу).

Диалектные особенности писцов. Анализ диалектных особенностей писцов, переписывавших текст, обнаруживает новгородское происхождение рукописи. Менее очевидно это для первых двух тетрадей, но диалектная принадлежность большинства писцов не вызывает сомнения. Это и смешение ÷ и ѿ (в разных позициях у разных писцов), и взаимозамена è, Е, â, ü (по-разному проявляется у разных писцов), и достаточно регулярное употребление лексики äüæü ‘дождь’, а также формы Им. п. мн. ч. с «ять» на конце типа ì íthE ïðîðïöE, которые А. И. Соболевский считал типично новгородскими.

Между л. 143 и 144 утрачен один лист. Листы 139–145 составляли одну тетрадь (fP по нумерации писца), но это всего 7 листов. Не хватает соответствия листу 141, этот последний в рукописи подклеен к обороту л. 143. На утраченном листе находились завершение чтения на литургии в Великий Четверток и начальные стихи 1-го страстного Евангелия⁶.

Традиция связывает Дрц. с белорусским изводом церковнославянского языка. Те факты языка, которые могли бы свидетельствовать о белорусском происхождении рукописи, очень и очень немногочисленны и достаточно условны. Сюда можно отнести несколько примеров на отвердение ѿ, фрикативное â, уь вместо â и др.

Отвердение r’ характерно для западно-русских памятников и отмечено в качестве белорусской черты с XIV в. [Филин, 1979. С. 315]. Ср. в Дрц.: 35в Мф XII 44 ïáðüáòü [Мст 37в ïáðüáòü]; 60в Мф. XXII 13 ñèðî-æáòü [Мст 61г ñèðüæüòü] и др. Но эта же диалектная черта отмечена и новгородскими берестяными грамотами.

О фрикативном â можно говорить, если иметь в виду следующий пример: 141в Мф. XXVI 17 ïðèñòîèòà ïS÷íöe êî ïñ äèöâ ïS äâE òîüâüè ïSòîðîââ-ïú òè ïâñS yñòè [фрикативное г]. Так же в единствен-

⁶ Ср.: л. 143г завершается отрывком из Мф. XXVI 69, а л. 144а начинается отрывком из И. XIV 12.

ном случае отмечено **Ѕъ**, ср.: 173а в заглавии чтения: **У ѿЕодѣѣ~ а̃а̃ іа̃а̃ іи̃а̃ о̃а̃**. Оба эти примера можно считать условной чертой белорусского извода церковнославянского языка изучаемого списка, поскольку соответствующие черты характерны и для некоторых русских говоров. В частности, в новгородских берестяных грамотах, по свидетельству А. А. Зализняка, встречается частичная нейтрализация противопоставления **а̃** и **а** [2004. С. 65], а изменение **г** в **г** «для части говоров новгородского диалекта» было характерно еще до падения редуцированных [Горшкова, 1964. С. 17].

Ниже представлена характеристика графической и диалектной особенностей первых трех писцов Дрц.

Первый почерк:

л. 1в – 15г

Для первого почерка характерно диакритическое «&» над гласными в начальной и некоторых других позициях. На конце строки десятиричное **і** имеет две точки: **і** (см. л. 8а 17, 11в 7, 14 и др.). Покрытие над выносными буквами имеет изящный отчерк. Знак титла – в виде черточки с расположенными по краям и опущенными вниз треугольниками. При написании широкого «о» подчеркнута выделяются верхняя и нижняя части буквы.

Завершающие строку буквы, не попавшие в нее из-за нехватки места, надписываются сверху и представляют собой уменьшенную копию строчных букв, т. е. выписаны достаточно тщательно, в то время как другие писцы Дрц в этих случаях дают более «скорые» варианты соответствующих букв.

Первому писцу принадлежит 1-я тетрадь и большая часть 2-й, и лишь с л. 15г 4 (т. е. почти весь последний столбец л. 15 и весь л. 16). Вторая тетрадь переписывается вторым писцом. Таким образом, первый писец начал работу, а далее ее продолжил уже второй (другие писцы).

Из имеющихся в рукописи первый – наиболее четкий почерк, сохраняющий явные связи с более ранним уставом (о писце вкладной (жалованной) записи речь должна идти особо). Это рука хорошего мастера, по видимому, того, кто был наиболее авторитетным в скриптории и кто руководил всей

работой. Не случайно именно он начинает работу над рукописью.

Характер работы писцов, общее состояние почерков свидетельствуют о том, что работа по переписыванию должна была выполнена в сжатые сроки, особенно торопились писцы, когда переписывали месяцеслов.

Второй почерк:

л. 15г 5 – 25а 8 и 105а – 106б

Второй писец заканчивает 2-ю тетрадь, его перу принадлежит 3-я полностью, и он останавливается в самом начале 4-й тетради (на девятой строке л. 25а уже новый почерк). Далее этому писцу принадлежит шесть столбцов (самое начало) 14-й тетради: л. 105а – 106б.

Диакритическому «&» первого писца здесь соответствуют две точки. Начальное широкое «о» у второго писца не так четко противопоставлено «о» узкому, и в написании широкого варианта этой буквы отмечается тенденция выделить не горизонтальные, а вертикальные стенки (полукружия) буквы, хотя в ряде случаев второй писец пытается воспроизводить особенности первого почерка, ср. **і̃а̃о̃у̃** 16б 2, **і̃о̃** 16б 14 и др. При написании **^** данный писец верхнюю часть лигатуры пишет более небрежно, чем первый. На конце строки уже не «**і̃**», а слегка перечеркнутое «**і̃**», см. л. 15г 23, 16г 7, 18а 18, 21а 2, 22б 4 и 16, 24а 13. Покрытие над выносными буквами выглядят в виде растянутой дуги. Форма титла та же, что и у первого писца.

Второй почерк не такой сжатый, как первый. Более того, я бы отметил такую особенность этого почерка, как постепенное, по мере работы писца, освобождение от авторитета 1-го писца. В начале своей работы второй писец явно стремился следовать традициям (наставлениям?) первого писца, сказывалось это, например, в большей сжатости букв в строке. Чернила, которыми писал второй писец в начале своей работы, были чуть более светлыми и немного более насыщенными коричневым оттенком, чем у первого писца, но далее постепенно включают в себя все более и более интенсивный оттенок, в результате чего их цвет приближается к черному, см., например, л. 17в (отдельные слова), 19 (нижние строки), 19г – 20а, 23а и др.

Третий почерк:
л. 25а 9 – 32г

Это практически вся 4-я тетрадь⁷, включая восемь начальных строк.

Третий писец для выделения начальных гласных или гласных, стоящих после других гласных, использует две точки (редко), которые в ряде случаев выглядят как небольшие скобки, ср. **īīñēSøà~>ðū** 25а 14, ~>|ñē 26б 9, **hāāāEī>āā** 29в 18 и др. Знак титла имеет вид перечеркнутой посередине поднимающейся вверх черточкой с загнутыми концами. В отдельных случаях перечеркивание отсутствует. Покрытия над выносными буквами чаще всего напоминают угол, а не скобку или полукружие. Выносные буквы, как и у второго писца, не выписаны так тщательно, как у первого.

Ниже для анализа отобраны такие особенности орфографии первых трех писцов рукописи, которые могут свидетельствовать, с одной стороны, о культурно-языковой ориентации писца, с другой – о его диалектной принадлежности. Свидетельства первого рода, как правило, ограничены стилистически маркированными вариантными формами, составляющими оппозицию «славянизм – русизм». Диалектные же особенности писцов наиболее ярко проступают при анализе рефлексов древних *ě, *c, *č и т. п.

Что касается *первого писца*, то со всей уверенностью можно говорить, что он был ориентирован на древнерусские традиции письменной речи. Так, например, регулярно отмечается æ в словах разных корней, ср.: **īā īñSæāīē~** 2в, **īSæāñōā** 2в, **īðææā āāæū** 3в, **ðīæāīī~** 3з, **īðēōīæāōS** 4в, **āñæāīū** 4в, **āææū** 5б, **īāāæp** 8б, **īāæē ñīāīp** 2в, **æāæp** «жажду» 13б и др. Исключение составляют два примера употребления одного глагола: **ē āð^yāSūāāī ēī ī īE īā ēæāāī^s āīīū** 9а И. VI 37, **āūā īāīā ēhāīāøā| ē āāñū ēæāāīSōū** 9в И. XV 20, но ср.: **ē ~āāā ñā¹y īāōā ēæāīāōū**

⁷ Именно 4-я тетрадь характеризуется обилием пропущенных инициальных буквиц. Так, на л. 28в мастер только начал рисовать буквицу «P», но по каким-то причинам не закончил, и на всех последующих листах этой тетради, кроме л. 32 об., завершающего тетрадь, места, оставленные основным писцом для инициалов, пусты. На л. 32г выведена буквица «P».

ē īðāāū īēī ē ðīæēðū И. VI 43, 52 и **īāæp æā ñēōū** 13 з И. IV 30.

На то же указывают, во-первых, рефлекс-ы плавных с редуцированными: **āāðūhīSāū** 8а М. XV 43, **īSī āðōū** 8а М. XV 44; во-вторых, тот факт, что приставка **īðā-** представлена только в таком своем виде: **īðāāāōē** 10г, **īðāēæē** 11а, **īðāīīēīāāīē~** 11б, **īðāāSāāōā** 12в, **īðāāūāāкть** 12в дважды, **īðāāūs** 14а, **īðāēāhū** 15а.

В отрывке мало примеров, говорящих об изменениях исконного **Е**. В словах **ñāE-āEōāēūñōāīāāōē**, **ñāEāEōāēūñōāī** регулярно на месте второго **Е** встречаем **ē** (более 20 случаев), например: **~æā āēāēī ū ē ñāE-āē|ōāēūñōāS~ī ū. ē ñāEāēōā|ēūñōāā īāøāī īēēōī īā æā| īā īðē~ī ēāōū** 4а И. III 11. Мена **Е** на **ē** обычна для новгородских памятников, но для данного слова не является показательной. Отмечая аналогичные примеры в языке Галичского Евангелия 1357 г., Л. П. Жуковская [1957. С. 52] допускала возможность проникновения такого написания однокоренных слов из южнославянского протографа и ссылалась на мнение И. В. Ягича, который писал по поводу орфографии **ñāEāEōāēūñōāī – ñāEāēōāēūñōāī**: «Давно указывается также на форму “ñāEāēōāēūñōāī”, свойственную преимущественно южнорусским памятникам. За этими и другими подобного рода формами... знаменательными для происхождения памятников, надо зорко следить; иные из них потом вышли из своих первоначальных пределов и с того времени, конечно, перестали иметь значение диалектических примет. Так, например, “ñāEāēōāēūñōāī” сделалось потом очень распространенным словом» [Ягич, 1889. С. 27].

Говоря об употреблении **Е** у данного писца, я должен отметить еще два факта. Первый может служить квалификацией диалектной принадлежности писца, это – **Е** на месте редуцированного: **āū āūñēðE|øāīē~ñSāā** 6г И. V 29. Второй факт касается древнего вариантного отражения корня *ěd- с **у**- и **Е**-. В Дрц находим следующие примеры: **Eøā ðēEāū** 7г И. VI 23, **yēē ~ñōā ðēEāū** 7г И. VI 26, **īðø īāøē Eøā īāī^uīS ā īSñōūīē. yēī æā ~ñōū| īñāīī. ðēEāū ñū īāñē āāñōū āāī ū yñōē** 8г И. VI 31, **yøā īāīūīS** 10в И. VI 58 и др. Видно, что в речи

первого писца вариантное употребление **Еоа** – **уоа** было противопоставлено невариантным формам **уауе** трижды, **пїЕпюу**, **пїЕпюа**.

Отмечена у первого писца и мена ÷ и ö, ср.: **їаде÷а-оу пю** 10а И. V 2.

У второго писца отмечены только формы **æ**: **оїæаоа** 15г и др., **ææф** 17а, 17в, **оїæаїS** 17г, **æуæаоу** 24б, **ææу** 24в и др., в неполногласных сочетаниях на месте **Е** преобладает **â**, но есть случаи и этимологического написания, ср.: **їДЕæа** 16г, 21а, **їдææа** 24в, **їїпндоаЕ** 19в, **їдæа їей** 19г, **÷ДЕаа** 24б. Учитывая записи с **Е** в корне в таких словах, написания приставки **їде-** вместо **їдЕ-** можно рассматривать как фонетическую черту – результат мены **Е** и **е**: **ау ої Е їа їдеаSїаоу** 19б И. XII 46 (Мст: **їдЕ-**), **ауа ау | її Е їа їдеаSааоа** 21г И. XV 4 (также 21г И. XV 6), но ср.: **їдæаSаоу** 22а И. XV 7, **їдæауаа-оу** 32г И. XXI 22 (также 24а), 18в; **їдеуаїе ауноа** 24в И. VII 47 (Мст: **їдЕ-**).

А на месте **Е** в корнях слов: **ау аданЕоу** **оїæе пю** ~**пë** 17г, дважды **ї аданЕ** 22г И. XVI 8, 9, ср.: **адЕоїау** 19г; **їа одаїаS-æ** 23а И. XVI 30.

Отмечено этимологически верное написание **пāЕāE|оāēūноāSpōū** 16а И. X 25 и трижды **пāЕāEоāēē** (см. 19г Л. XXIV 48, 24а И. XXI 24 дважды).

Дважды зафиксировано окончание **-Е** на месте **-е** в форме Им. п. мн. ч. **пннЕāE** 16г И. IX 8 и **їїтнЕ æа ^ їади|аа** 24 б И. VII 40. Эта черта в качестве типично новгородской оценивалась С. И. Соболевским [1980. С. 47].

Наконец, новгородской является и такая яркая диалектная черта, как мена ÷ ~ ö.

× на месте **ö**: **їане їа÷а їю** 23в И. XXI 14, 23г И. XXI 17; **пë÷а нїаї аїеу оаїдеоë** 17а; **пëЕїу|÷п** 17а; **їS ї÷** 22в И. XVI 23; **пōї їаа÷ü** 24г Мф. XVIII 12, ср. звательную форму **ї÷** (23б И. XVII 18) вместо **ї÷** форма **ї÷** здесь, видимо, Им. п. ед. ч. (т. е. **їо**).

О на месте ÷: зват. **їо** 18в И. XII 27 (но на этом же листе чуть ниже в И. XII 28 **ї÷**, 20г XVII 1 (но 21а И. XVII 5: **ї÷**, 21б И. XVII 11; **пї** ÷ **ëоу** 21б И. XVII 12).

Необходимо отметить и несколько случаев вокализации **у**: 1) ^ **ей|їю** 19а И. XII

42 при написании **ейю** 21в И. XIV 30; 2) **аїаїеE-оу** 20б И. XIV 8 (Мст 22в: **аї|ау-ë-оу**); 3) **аї | оу аї** 22б.

Третий писец, как и второй, сохраняет этимологическое написание слова **пāЕāEоāēū** 25а Мф. XVIII 16, но ср.: **ау пāЕāEїе~** 31г Мф. VIII 4 (Мст: **ау пāЕāEїе~**); регулярно употребляет слова с восточнославянской огласовкой с **æ** (не **æä**): **їæф пїаїп** 25а, **ææпуа** 25г, **æаїSоу ау** 25г, **їдææа аану** 25г, **їаæаоу** 28б, **їа пнSææоа** 29а, **ææу** 31г, **оїæаїоу** 32г и др. Рефлексы праслав. **tert* представлены только записями, выработанными специально в древнерусской традиции церковнославянского языка: **їпндоаЕ еоу** 25б, **адаї аїа** 25в, **їдæау** 27б, 29б, **їдææа аану** 25г, **їдæааноу** 26б, **їдææа** 29в. В неполногласном префиксе один раз отмечена особенность, характерная для второго писца, – написание **їдей|ææëоу** 32а Мф. VI 24 (Мст: **їдЕ-**) наряду с **їдооадиЕауë** 30г.

Пример вокализации редуцированного в слабой позиции также представлен: **аїаїеE-оу аї** **ейїаа пāю** 27г Мф. VI 34.

Есть несколько случаев употребления **Е** на месте **ε**:

- в начальной позиции (ударной): **Еади** **аїоуа** 26в Мф. V 30 при **~|ади їаїаї** ~ 26в Мф. V 29;

- в ударной флексии Р. п. ед. ч.: **їа їанЕ** 25б дважды, **оааЕ пēїаанЕ** 26в, **еху їоанЕ** 29б Мф. VII 4 (дважды), **ї÷анЕ** 29б Мф. VII 5;

- в ударной флексии Д. и М. п. ед. ч.: **їдеейæëë оāēанЕ пāї** ~|**їü æаейоу ~æїу** 32а Мф. VI 27 (Мст: **оāēанē**); **ї їаæЕ ÷ої пю їа÷аоа** 32б Мф. VI 28 (Мст: **їаææë**).

Что касается типично новгородских форм, то наряду с формой **їїтнЕ** 27г находим **їSаїтнЕ ææпāЕноāSpōū** 32в Мф. XI 5 (Им. п. мн. ч.). Эта диалектная особенность отмечена выше и как черта речи второго писца.

Достаточно многочисленны случаи взаимной мены ÷ и ö.

× на месте **ö**: **о÷ë а ооаї** 25а Мф. XVIII 17, **едіо÷ë** «кроткие» 25в Мф. V 5, **^нЕ÷ë п** 26в Мф. V 30, **їдæау ї÷** **їїей у** 27б Мф. X 32 (и здесь же следом в Мф. X 33: **їдæау їоу їїей у**), **дооа|оë÷ап** 27г, **ї÷ ааоу** 28а, ^ **аїеу÷а** 28б Мф. VII 16, **пS÷а÷ü еху їоанЕ** 29б Мф. VII 4, **їа їЕн÷Е** 31в Мф. VII 26, **їа-**

ðe÷à-|î àâî 29в Мф. IV 18, êîâ÷à (Мст: êîâ-
òà) 29в Мф. IV 19.

О на месте ÷: yhú|ôfêéú 25а Мф. XVIII 17,
æöþúá 25г Мф. V 5, òèì ü... íè ê òâî S 25г
Мф. V 13, áEèà èèè òâðîà 26г Мф. V 36, ñíŒ
÷èöü 27в, также 30г, ñS÷â÷ü èhú îòâñE
(форма îòâñE дважды, но ниже î÷âñE) 29б
Мф. VII 4.

В качестве яркой диалектной морфологической черты отмечу флексию -E в Р. п. ед. ч. первого склонения твердой разновидности [Соболевский, 1980. С. 46]: îðâââE ðââè 25г Мф. V 10. А. А. Зализняк считает это окончание в данном склонении (в твердом варианте) нормой для древненовгородского диалекта [1995. С. 80].

Наконец, еще одна яркая новгородская черта – âîæâü (вместо âîæâü), см. 27б Мф. V 45, 31в (дважды), Мф. VII 25 и Мф. VII 27. Форма âîæâü отмечена уже Новгородской I летописью [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1977. С. 285]. В старобелорусском языке при обилии вариантов данного слова (дожджъ, дождзъ, дождчъ, дождь, дождь, дожжъ, дожчъ, дожчь, дожщъ, дожжь, дощчъ, дощъ [Гістарычны слоўнік..., 1987. С. 200]) вариант дожжъ отсутствует.

Что касается состава чтений Дрц, то здесь интересным было бы сравнение с составом чтения такой полноапракосной рукописи, как Мст.

Так, в ряде заголовков чтений 5-й седмицы по Пасхе в Дрц произошел сбой наименований. Киноварные заголовки заполнялись писцом уже после того, как основной текст был помещен на листы рукописи. Писец ошибочно указал на л. 14г âðî|ðfêéú .âŒ íâð вместо ñðâââ; на л. 15б оказалось âú ñðââ .âŒ íâð тогда как это чтение четверга; на л. 15г находим непонятное â^ð .âŒ íââ. Там, где должна быть отмечена суббота, буквы не читаются – они смыты, а на л. 16в строка, предназначенная для киноварного заголовка, оставлена чистой. Далее соответствие заголовков чтений их назначению восстановлено.

Во вторник и среду 7-й седмицы по Пасхе в Мст находим соответственно чтения II. XVI 2-13 и II. XVI 15-23. В Дрц эти чтения поменялись местами: на âðfêéú .hŒ íâð помещен отрывок II. XVI 15-23, а чтение II. XVI 2-13 – âú ñðâ^d .hŒ íâ^d.

Седмица, начинающаяся Пятидесятницей, в Мст («неделя 50») заканчивается пятком, следующая далее суббота озаглавлена уже как суббота 1-й недели (седмицы) по Пятидесятнице. Соответственно следующая, 2-я, седмица начинается 2-й субботой. В Дрц седмица по Троице именуется 8-й неделей и заканчивается в пятком, далее так же, как и в Мст, идет суббота 1-я по Пятидесятнице (ñS^á .àŒîî îÿîð^è, см. л. 27а). Но тот же заголовок “ñS^á .àŒ” (л. 29а) имеет и следующий субботный день, так что 2-я седмица по Пятидесятнице начинается с недели (воскресенья) и представлена только этим, воскресным, чтением, ибо далее идет уже понедельник 3-й седмицы по Пятидесятнице (в Мст это – понедельник 2-й седмицы по Пятидесятнице). В результате нумерация дней недели в чтениях от Пятидесятницы до Нового лета в Мст и Дрц различается, хотя общее количество седмиц (семнадцать) одно и то же. При этом в Мст седмица начинается субботой и завершается пятком, а в Дрц – начинается понедельником и заканчивается неделей (воскресеньем). Нумерация седмиц Нового лета совпадает.

Из отличий, бросающихся в глаза при первичном сравнении, в составе чтений данных двух рукописей еще отмечу отсутствие в Дрц чтений на 1, 3, 6 и 9-й час в Великий Пятко; после 12-го страстного Евангелия здесь сразу же идет чтение на литургии в Великий Пятко.

Безусловно, анализ состава чтений в Дрц должен стать предметом специального исследования.

Список литературы

- Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.
Архангельское Евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словосказатели / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М., 1997.
Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1987. Вып. 8.
Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903.
Горшкова К. В. Из истории консонантных диалектных различий русского языка // НДВШ. Филологические науки. № 4. 1964. С. 17.

Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. под рук. д-ра филол. наук А. А. Алексеева. СПб., 1998.

Жуковская Л. П. Двести списков XIV–XVII вв. небольшой статьи как лингвистический и исторический источник: статья Пролога о построении церкви во имя Георгия Ярославом Мудрым // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987.

Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968.

Жуковская Л. П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского Евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания. М., 1957. Т. 8.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Лосева О. В. Русские месящесловы XI–XIV веков. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Покровский Н. Н. Христианская традиция в российской и сибирской истории // Филолог. 2000. № 2.

Приселков М. Д. Очерки по церковнополитической истории Киевской Руси X–XI вв. СПб., 1913.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.

Соболевский С. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1979.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Ягич В. И. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Материал поступил в редколлегию 10.12.2012

L. G. Panin

**PENMEN OF THE DRUTSKOYE GOSPEL
AND THE DIALECT PECULIARITIES OF THEIR WORK**

The article presents the analysis of work done by the penmen of the Drutskoye Gospel (XIV century), as well as the dialect peculiarities of the text rewritten by the first three penmen. Their possible connections to the Novgorod traits of the Old Russian language are demonstrated.

Keywords: variant readings, the Church Slavonic language, Gospel copies, Aprakos, dialect peculiarities of the Old Russian language.